

— Как это мы оказались в Шаньинь? — Сайбан переменился в лице. — Плохо дело! Шаньинь ведет к Лесному Морю! Неужели Масо забрела в Линьхай?! Ночью там так легко заблудиться!

— Масо! Масо!

Мы с Сайбаном принялись звать ее во весь голос, но ответа не последовало.

— Далеко ли она могла уйти за такое короткое время?

Видя, как Сайбан вспотел от волнения, я похлопал его по плечу:

— Здесь слишком темно. Вернемся, позовем людей на подмогу.

Сайбан кивнул, но тут же, словно что-то заметив, вскрикнул:

— Масо!

Я обернулся и действительно увидел мелькнувший на северо-западе красный силуэт. Сайбан тут же бросился вдогонку. Однако фигурка Масо то появлялась, то исчезала в густых, пятнистых тенях деревьев, неизменно сохраняя дистанцию и не обращая внимания на наши крики.

Через некоторое время мы оба запыхались, но Масо впереди и не думала останавливаться. Сайбан все-таки был горцем, выносливее меня. Стоило мне опереться на дерево, чтобы перевести дух, как он уже умчался далеко вперед.

— Сайбан, подожди! — крикнул я, боясь потерять и его.

Фигура Сайбана замерла. Не оборачиваясь, он рухнул на колени и распростерся на земле, скрестив руки.

Сердце мое екнуло — я подумал, что он что-то увидел. Но, подбежав ближе, я понял, что там, куда он смотрел, ничего не было. Исчезла даже Масо. А вокруг простиралось лишь бескрайнее Лесное Море. Зловещее, мрачное; подул ветер, и тени зашевелились, словно мириады призраков. И тут до меня дошла ужасная мысль: мы, похоже, забрели довольно глубоко в Линьхай. Найдём ли Масо — неизвестно, но сможем ли мы сами найти дорогу назад? На меня, чужака, надежды никакой, только на Сайбана. Увидев, что он дрожит всем телом, лежа ничком, я присел и рывком поднял его. Выражение его лица испугало меня так, что в горле встал ком.

Глаза Сайбана закатились, губы посинели. Дрожащей рукой он указал вперед:

— Цинь... Цинь Жань-аран, скорее... спаси Масо! Она... она туда пошла.

Глядя на него, я понимал: не то что Масо спасать, я сам едва успею отойти, как он тут же умрет. Кругом ни души, ни селения. Вспомнив кое-какие приемы первой помощи, которым научился для одиноких вылазок на пленэр, я с силой надавил ему на точку под носом. Увидев, что он не дышит, я уложил его на землю и, придерживая шею, приготовился делать искусственное дыхание.

Но не успели мои губы коснуться его, как Сайбан вдруг перестал дрожать. Широко раскрыв глаза, он уставился на меня с каким-то отсутствующим, ошалелым видом, словно из него душу вынули.

— Эй! Сайбан! — Я пару раз хлопнул его по щеке. Никакой реакции. Но, поднеся руку к его носу, я почувствовал дыхание. Жив, и на том спасибо. Ну и дела: отправился с двумя детьми за рисовальными принадлежностями, один пропал, другой в обмороке. Не знаю, не пожалеет ли отец Масо, что спас такого бога чумы, как я.

Я потер переносицу, схватил Сайбана за руку и с трудом взвалил на спину этого крепкого, как теленок, юношу. Подняв голову, я тут же наткнулся на выглядывающее из-за дерева лицо. Я плюхнулся прямо на Сайбана и только тогда разглядел — да это же Масо!

Девочка выглядывала из-за ствола, виднелся лишь один ее глаз, косивший на меня. Губы растянулись в улыбке до ушей:

— И-и-и... Бог Мертвых смеется, дитя плачет, в прятки играем, рассвета не знаем...

Мурашки волнами прокатились по моей коже, одна за другой:

— Масо... хватит... хватит дурачиться, у меня нет настроения играть с тобой в прятки!

— И-хи-хи... — Масо покачала головой, подпрыгнула и скрылась за деревом.

— Эй! — Забыв про оцепеневшего Сайбана, я вскочил и бросился за ней. Забежав за дерево, я не увидел и следа Масо — лишь разбросанную в траве вышитую туфельку. Край оторочен кроличьим мехом, сбоку — связка маленьких колокольчиков. Должно быть, ее. Если она бежит и прыгает в одной туфле, хоть какой-то звук должен быть слышен. Неужели убежала босиком?

Только я об этом подумал, как услышал звон колокольчиков — динь-динь. К этому времени в Лесном Море уже поднялся ночной туман. Масо видно не было, но по звуку казалось, что она недалеко. Я оглянулся и увидел, что Сайбан сидит прямо, как истукан.

— Сайбан, ты найдешь дорогу назад?

Он кивнул.

— Тогда жди здесь, никуда не уходи, — наказал я и пошел на звук колокольчиков.

Через некоторое время туман сгустился, тени деревьев стали глубже, все вокруг утонуло в вязкой, студенистой тьме. Меня пробирал холод. Я ускорил шаг. Приблизившись к источнику звона, я наконец различил в мутной пелене красное пятнышко.

День-день...

На поляне неподалеку Масо не было, лишь одиноко стояла туфелька. Ее носок то и дело дергался, отчего колокольчики беспорядочно звенели, словно невидимый человек приплясывал в ней на цыпочках.

Хотя я очень хотел бы, чтобы Мин Ло воскрес, я все же атеист.

Стиснув зубы, я подошел и пнул туфельку. Из нее тут же выскользнула тонкая длинная тень и шмыгнула в траву — пустая тревога. Я вытер холодный пот со лба, мысленно восхищаясь собственной смелостью.

— И-и-и...

Но в этот момент тонкий смешок раздался сверху.

Я поднял голову и увидел пару слегка покачивающихся ног в белых носках. Масо смотрела на меня сверху вниз своими черными глазами. Ее тело было плотно опутано древесными лианами и привязано к огромному древнему дереву, окутанному туманом, — живой кокон, обмотанный паутиной.

— Масо... погоди, я... я придумаю, как тебя снять. — Девочка висела в опасном положении, и, несмотря на всю странность ситуации, я шагнул вперед, собираясь лезть на дерево, но вдруг заметил... что за ее спиной висит еще одна длинная темная фигура.

— А-а... спаси... спасите меня...

В темных, пятнистых тенях мелькнули совершенно белые глазные яблоки. Это был тот водитель, что спрыгнул со скалы.

Как он... как он здесь оказался?

«Кхек», — раздался сзади тихий звук, похожий на хруст смещаемых костей.

Я внезапно вспомнил тот странный сон. Обернулся — позади лишь густой туман, ничего не видно. Вдруг — «бум!» — Масо сорвалась с дерева и рухнула на землю прямо передо мной. Я отшатнулся и сел на землю. Не успел я проверить ее состояние, как краем глаза заметил, что в тумане передо мной проступил чрезвычайно высокий силуэт.

В тот же миг я инстинктивно понял — это не человек.

Хотя еще мгновение назад я был твердо уверен в своем атеизме. Я неосознанно схватил Масо и потащил ее за ствол дерева.

— И-и-и... — Масо издавала какие-то нечленораздельные звуки и даже пыталась вырваться, чтобы ползти к темному силуэту. Я крепко зажал ей рот. Снова раздался щелчок — «клац!» — ближе, отчетливее. Спрятавшись за ствол, я не удержался и выглянул.

Высокая фигура, появившаяся из тумана, уже бесшумно стояла под древним деревом, прямо перед висящим водителем. Густые тени и плотный туман скрывали ее облик, но меня охватил ужас, подобный погружению в морскую бездну, — внутренности сжались в тугой комок.

— А-а-а... — прохрипел водитель голосом умирающего зверя, тяжело дыша. — Повелитель... я ошибся... я понял свою ошибку... пощади... умоляю...

Повелитель? Я вспомнил ту деревянную фигурку из грузовика. Интуиция подсказывала, что сейчас произойдет нечто ужасное. Я хотел спасти водителя, но едва справлялся с обезумевшей Масо. Хотел бежать, но страх сковал тело, я не мог пошевелиться. Снова раздался тихий щелчок — «кхек». Высокая фигура склонила голову набок, медленно подняла руку и положила ее на голову водителя.

— Повелитель...

«Клац!» — звук, похожий на треск ломающейся кости, резко прозвучал в темноте. Стоны и дыхание водителя оборвались. Голова бессильно повисла. В мертвой тишине я содрогнулся. Высокая фигура подняла другую руку, обхватила голову водителя, и тут до моих ушей донесся другой, леденящий душу звук.

Это был... звук рвущейся плоти, смешанный с чавканьем... словно кто-то всасывал какую-то жидкость.

«Кап... кап...» Что-то жидкое закапало там, куда падал мой взгляд.

В пятнах света виднелась жидкость, смешанная из желто-белого и кроваво-красного.

В ней извивался, петляя, предмет толщиной с палец — странное существо, похожее одновременно на хвост сколопендры и скорпиона. Оно ползло в мою сторону.

В голове стало пусто. Меня била неудержимая дрожь. Жажда жизни всколыхнула адреналин, придав мне безумную силу. Я подхватил Масо на плечо и бросился бежать. Не знаю, как далеко я пробежал, прежде чем осмелился оглянуться. Но тут я споткнулся обо что-то, полетел вперед и ударился головой — то ли о дерево, то ли о камень. В глазах потемнело. Не успев проверить, как там Масо, я потерял сознание.

«Кап...»

Холодная капля упала на лицо.

Я с трудом поднял тяжелые веки. Зрение было затуманено, но сквозь пелену пробивался свет.

Неужели рассвет? Я моргнул. Над головой виднелось ночное небо, разрезанное на куски пятнистыми тенями деревьев — я все еще был в глубине Лесного Моря.

Голова раскалывалась. Я дотронулся до лба — на ладони остался след крови.

С трудом перевернувшись, я посмотрел на источник света.

Взгляду предстала белая лестница. Проследив ее взглядом вверх, я увидел пещеру. У входа стояла маленькая белая коническая башенка со свечами.

Я протер глаза. Все по-прежнему было как в тумане, зрение нечеткое. Оглядевшись, я не увидел Масо. Нахмурился, попытался позвать, но голос охрип, звук получился сиплым и неразборчивым. Потерев горло, я, пошатываясь, поднялся на ноги и пополз к пещере. Едва ладонь коснулась поверхности ступени, как холод проник до самых костей. Странное ощущение — зазубренное и гладкое одновременно — заставило меня опустить взгляд. Лестница была сложена не из камня, а из каких-то белых продолговатых предметов... У них были утолщенные концы и узкая середина, форма каждой была неправильной. Они походили на кости какого-то животного, причем на берцовые.

Почему-то мне сразу вспомнилась Костница в Чехии, где я когда-то бывал.

Только не говорите мне, что это тоже человеческие кости.

Я попытался отогнать разыгравшееся воображение. Нет... наверняка это кости коров или овец. Здесь горит огонь, значит, в пещере могут быть люди. Возможно, и Масо там. С этой мыслью я, опираясь на ослабевшие ноги, пополз вверх. Добравшись до треугольной башенки перед входом, я при свете тускло мерцающих свечей разглядел, что и она сложена из костей. А подсвечниками служили... человеческие черепа. На вершине башни был установлен деревянный крест, опутанный белой сеткой из нитей.

Поскольку я бывал в других деревнях региона Сунань, я узнал этот предмет. Такой сетчатый

крест в древних обычаях Сунань считался ритуальным инструментом под названием «до». В старину сунаньские колдуны использовали его для заклинаний, гаданий или призывания душ. В наши дни такие кресты чаще всего можно увидеть лишь на кладбищах в Сунань как знак запрета на вход. Неужели... неужели это кладбище племени Нашэ?

От ужаса я попятился, оступился и скатился по ступеням. Раздался грохот — «Бах!». Часть костяной башни передо мной обрушилась, несколько черепов-светильников скатились вниз, и обломки костей рассыпались по ступеням.

Я остолбенел, не зная, что делать. Вдруг над головой послышался шум — «пу-су-су» — будто слетелась стая птиц, причем очень большая стая, судя по звуку крыльев.

Подняв голову, я увидел огромное серо-белое облако, заслонившее небо. Оно кружило надо мной, снижаясь. Это были какие-то хищные птицы, похожие на орлов, но орлы — одиночки, они не собираются в такие стаи.

Пораженный, я смотрел, как они садятся вокруг костяной башни. Только тогда я разглядел, что это не орлы, а редкие гималайские грифы — самые высокогорные птицы в мире. Падальщики, преследователи смерти, по легендам — проводники между мирами Инь и Ян. Они подбирали разбросанные кости, но не улетали, а снова складывали их на место.

Эта сцена потрясла меня. Как жаль, что под рукой не было кисти, чтобы запечатлеть увиденное! Пока я сокрушался, мой взгляд вдруг застыл на том, что было за костяной башней. Среди взлетающих и садящихся грифов, у входа в пещеру, неведомо когда появилась... высокая человеческая фигура.

В пещере кто-то есть?

— Эй! — крикнул я и, спотыкаясь, в несколько шагов взбежал по лестнице. Но, разглядев фигуру получше, я снова поскользнулся и упал ничком перед костяной башней.

Несколько грифов всполошились и с шумом взлетели, открыв мне более ясный вид.

Это был... очень высокий, невероятно красивый мужчина.

Слово «красивый» даже близко не описывало его внешность. Кожа белая, как чистейший снег на горных вершинах, губы — цвета закатного неба. Длинные иссиня-черные вьющиеся волосы рассыпались по плечам, словно лесное море у подножия снежной горы, окутывая его статную фигуру, облаченную в роскошный шелковый халат с запахом, черного цвета с золотой вышивкой. Глаза были закрыты черной повязкой, но она не могла скрыть ни царственных бровей, ни высокого носа — черты его лица были настолько выразительны и резки, что даже в тусклом свете свечей захватывало дух.

Я невольно шагнул к нему. В тот же миг грифы взмыли в воздух и, словно свита, охраняющая божество, закружили вокруг него. Он просто стоял неподвижно, но от него исходила ледяная, колдовская аура, внушающая страх и одновременно — желание пасть ниц.

Я смотрел на него, оцепенев, подозревая, что сплю.

Давно забытое желание рисовать хлынуло в меня, как ливневый поток в пересохшее русло реки, затопило сосуды, заставляя каждую клетку моего тела трепетать, кричать, гудеть.

Как художник, я повидал немало красавцев. Среди моих поклонников тоже были люди с привлекательной внешностью. Но за все эти годы по-настоящему пленил меня лишь Мин Ло. Я думал, что уже никогда не встречу другую музу.

Но этот человек...

Ни внешностью, ни статью даже Мин Ло не мог сравниться с ним.

Какие краски, какие кисти, какой холст выбрать, чтобы изобразить его? Масло, тушь, минеральные пигменты? Нет, все не то...

Я беспорядочно размышлял, пока он не протянул мне руку. Грифы разлетелись. Только тогда я опомнился и осознал, как жалко выгляжу, распластавшись у его ног.

— Сп... спасибо.

<http://bllate.org/book/13365/1188546>